

ТАМАРА ЧЕРЕМНОВА О СЕБЕ
МИР ЗДОРОВЬЯ / Женские истории / Страницы Т. Черемновой

Я инвалид детства и по состоянию своему нигде не училась, так как у меня парализованы даже руки. У меня сильно нарушена координация движений, я даже кушать самостоятельно не могу, и руками писать не могу, но могу печатать на клавиатуре, подвязав руку, чтобы не мешали неконтролируемые движения. Я печатаю на пишущей машинке (компьютера у меня, к сожалению, нет).

Говорят, что Бог литературным даром меня не обидел... ну, в общем, как-то получилась из меня писательница-самоучка.

Извините за откровения, но я вкратце поведаю вам, дорогие мои читатели, всю мою горькую жизнь, и слава Богу, что вы не испытали этих ужасов и кошмаров.

Я родилась в 1955 году. Вскоре в моем развитии стали наблюдаться отклонения, и стало ясно, что я — это не здоровенькая крепенькая малышка, а что-то непонятное. И вскоре мне поставили страшный диагноз — ДЦП (детский церебральный паралич). Когда мне исполнилось шесть лет, родители не захотели больше держать такого дефектного ребенка у себя дома и сдали меня в специализированный детский дом. Есть у нас такие детские дома, куда сдают больных, никому не нужных детей. И если выживет такой ребенок до совершеннолетия, то прямая дорога этому ребенку в дурдом. И мне не удалось избежать дурдома, то есть психоневрологического интерната, прибежища для умственно неполноценных. Меня туда поместили с диагнозом "олигофрения в стадии дебильности".

Когда я узнала свой диагноз и выяснила, что эти мудреные слова означают, я пришла в ужас и попыталась доказать моему лечащему врачу, что это не так, и что у меня вовсе не "примитивное мышление", как обозначили в моей истории болезни. Но врач быстренько

осадила меня убийственной фразой: "Тебя всю дергает, а это признак психического заболевания". Я надолго замкнулась, по ночам кусала подушку, возненавидела себя и свой ДЦП, из-за которого меня объявили умственно неполноценной... И наивно надеялась, что появится хороший врач, который исправит эту несправедливость, который внимательно выслушает меня, разберется со мной и скажет, что никакая я не дебилка, что голова у меня работает нормально и мыслит вовсе не примитивно. Но такого волшебника врача не объявилось, и ко мне продолжали относиться как к дебилке. Спасибо, хоть грамоте научили. Специальных школьных программ у нас в дурдоме не было, и я сразу начала читать взрослые книги. Первой книгой, которую я прочитала, была книга А. С. Садиленко "За фронтом фронт". Символично: моя дальнейшая жизнь оказалась сплошной войной — войной за мое полноценное существование, насколько это возможно при ДЦП.

Я не захотела мириться со своей участью совершенно никому не нужного, бесполезного, никчемного человека, лишнего члена общества, — и начала писать рассказы и сказки. Так как сама писать от руки я не могла, под мою диктовку писали мои подруги — обитавшие вместе со мной девочки-инвалидки, у которых руки действовали нормально. Они записывали за мной, как умели, кто как смог освоить грамоту. А я потом вычитывала написанное, вносила исправления — опять же устно, а девочки заносили на бумагу. Наверное, со стороны наблюдалась грустная картина: битый битого везет... Но именно эти девочки мне очень помогли, сердечно благодарна им за это.

Я давала читать мою писанину медперсоналу — хвалили, даже восторгались, а мои дорогие врачи несколько усомнились в моем "дебильном" диагнозе и согласились, что мне не очень-то подходит фраза из медицинского учебника, что "олигофрены не могут различать двойного подтекста".

Я проштудировала учебник "Дети с отсталым интеллектом" и осмелилась написать письмо самому академику Евгению Ивановичу Чазову, поведав свою историю болезни и попросив снять с меня эту несправедливо прилепленную мне "олигофрению в стадии дебилности". Мое смелое письмо сработало! Мою историю болезни пересмотрели, диагноз признали ошибочным, и меня перевели в дом инвалидов общего типа. Конечно, дом инвалидов — это далеко не санаторий и не домашнее проживание, но все ж лучше дурдома.

Потом я нашла через адресное бюро известную кемеровскую писательницу Зинаиду Александровну Чигарёву (непрененно прочитайте ее повесть "Праздник Маши Красильниковой" — вам понравится) и послала ей мои литературные работы. Зинаида Александровна любезно согласилась посмотреть их и помогла мне опубликовать некоторые из них.

Мои произведения публиковали во всероссийских и местных газетах, в том числе в кемеровской областной детской газете "Свежий ветер". Побольше бы выпускали газет для детей... И я бы с большим удовольствием писала для них.

В 1990 году в Кемеровском областном издательстве вышла моя книга для детей — "Из жизни волшебника Мишуты". Эту книгу активно покупали для домашних и районных детских библиотек, очень хорошо о ней отзывались, и никому не пришло в голову, что книгу написала тяжело больная, физически немощная женщина.

За книгу "Из жизни волшебника Мишуты" я получила солидный гонорар и тут же приобрела на него пишущую машинку. Не так-то просто мне было освоить пишущую машинку: руки дергаются, пальцы не попадают на клавиши. Но я придумала техническое приспособление, чтобы ударять по клавишам не отдельными пальцами, а всей ладонью. И машинописный процесс пошел.

Все учреждения для увечных, по которым я кочевала с 1962 года, находились в разных местечках Кемеровской области, но вдали от моего родного Новокузнецка. А мне очень хотелось жить именно в том городе, где родилась. И я стала добиваться перевода в

Новокузнецк. И это мне это удалось: в 1997 году я переехала в Новокузнецк. В новокузнецком Доме инвалидов №2, где я сегодня обитаю, ко мне относятся с уважением и пониманием, персонал и мои соседи-инвалиды очень мне помогают и всячески способствуют моей творческой деятельности. Большое им спасибо.

Когда я поселилась в Новокузнецке, мои родственники навестили меня. Я давно уже их простила, не держала на них зла, и была рада их визиту, хотела похвастаться своим творчеством. Но... Но они начали меня поучать, втолковывать, как мне надо себя вести, а я натура гордая... В общем, контакта у нас не получилось. И теперь они игнорируют и меня, и мое творчество. Ну и ладно. Пусть им будет хорошо.

Почему я стала писать именно для детей? Не могу сказать определенно. Наверное, потому, что у меня самой не было нормального детства и мне остро не хватало родительской любви. И еще потому, что мне самой очень нравятся хорошие детские произведения — например, чудесные книжки Эдуарда Успенского. Так что у меня есть достойный образец для подражания.

Однажды ко мне прислали журналистку — взять интервью для местной газеты. Видимо, планировалась сенсационная статья, что-нибудь типа "Как полностью парализованная женщина стала писательницей". Но журналистка, увидев меня, растерялась и испугалась: то ли моего внешнего вида с дергающимися руками, то ли моих диагнозов. Она смотрела на меня с недоумением, граничащим с отвращением, и с трудом цедила свои вопросы. Я не сержусь на нее. Как можно сердиться на плохого профессионала? Плохому профессионалу можно только посочувствовать.

В ноябре 2003 года я закончила свою новую детскую повесть "Про рыжую Таюшку". Сначала традиционно дала почитать ее обитателям Дома инвалидов и медперсоналу, потом предложила издателям. Издатели одобрили повесть, сделали мне комплимент, что мой талант растет и крепнет, однако публиковать отказались, мотивируя тем, что повесть слишком умная для детей, что там слишком много подстрочных мыслей, много философии, и вообще для наших детей надо писать попроще. Да... Забавно: когда-то меня объявили дебилкой с примитивным мышлением, а теперь к той же категории причислили моих маленьких читателей. Я решительно не согласна с тем, что для детей нужно писать попроще. Дети гораздо умнее и мудрее, чем считают взрослые.

В декабре 2003 года я получила предложение от москвички Ольги Зайкиной: она прочитала

мои сказки и повесть "Про рыжую Таюшку" и предложила перевести их в электронный вид и выложить в интернете. Я понимала, какая это большая работа — обработка моей писанины — и чувствовала себя неловко перед Ольгой. С чего это столичная жительница вдруг вздумала возиться с какой-то инвалидкой из далекого Кузбасса? Может, Ольга тоже не совсем полноценный человек — так сказать, товарищ по несчастью? Или у нее в жизни что-то не сложилось — одинокая, несчастная, несостоявшаяся? Попросила Ольгу рассказать о себе. Она подробно написала про себя и прислала свои фото — красивая стройная женщина с роскошными волосами. И не одинокая она, и не несчастная — имеет мужа и взрослую дочь. И очень даже состоявшаяся и успешная: кандидат биологических наук, работает в Институте иммунологии, пишет для женских газет и журналов, автор шеститомника "Житейские кружева" и сборника "Толстяки-худышки". В общем, все у Ольги в порядке и нет никакой ущербности, каковую я заподозрила. Тогда я спросила Ольгу напрямую: "Почему Вы мне помогаете?" Вот что она мне ответила: "Милая Тamarочка! Я помогаю не Вам лично, а российским детям, которым нужна хорошая детская литература — именно такая, какую Вы создаете. Я хочу, чтобы российские дети, в том числе мои внуки (а они у меня со временем появятся) читали умные повести и мудрые сказки, а не примитивную чепуху". Что ж, после такого отзыва стоит жить и творить!

Сейчас у меня имеется собрание сказок, рассказов и повестей, которое я бы хотела издать и общим сборником и отдельными маленькими книжками для детей, но для издания книг нужны деньги. А вот их-то как раз у меня и нет...

Буду рада, если вам понравится что-нибудь из моих работ. С огромной надеждой жду от вас весточки. К сожалению, у меня нет ни электронной почты, ни факса, поэтому мне можно написать только обычное письмо.

С уважением, Тамара Черемнова

Мой почтовый адрес: AKT-05@yandex.ru
654011 Кемеровская обл., г. Новокузнецк, Новоильинский микрорайон, ул. Олимпийская, 17,
Дом инвалидов №2, 1 этаж, 5 комната. Тамара Александровна Черемнова.